

Т.В. Артемьева

Эмблематическое выражение моральных концептов в России эпохи Просвещения¹

Артемьева Татьяна Владимировна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; e-mail: tatart@mail.ru

В статье рассматривается моральная философия России эпохи Просвещения. Отмечается, что сложная структура российских элит привела к одновременному существованию нескольких философских и морально-этических моделей, соответствующих интеллектуальным сообществам – академическому, церковному и дворянскому. В академическом сообществе этика рассматривалась в контексте метафизики (проблема бессмертия души, предустановленной гармонии и теодицеи). Отчасти затрагивались проблемы практической философии, например моральные аспекты права. Церковное и дворянское сообщества в большей степени тяготели к метафорическому выражению абстрактных идей и широко использовали визуальные образы для их иллюстрации. Этическая теория была представлена противопоставлением добродетелей и пороков, а также выделением гражданских добродетелей. В качестве визуальных кодов использовались эмблемы, представляющие собой философские и моральные концепты, содержание которых было конвенционально закреплено.

Способы визуализации добродетелей и пороков рассматриваются на материале церковных изданий, книг эмблем, также гражданских церемоний, демонстрирующих морально-нравственные образцы, постулируемые правящей элитой. Подробно анализируется визуальное оформление двух коронационных торжеств – Елизаветы Петровны и Екатерины II. Многие материалы впервые вводятся в историко-философский оборот.

В заключение делается вывод о том, что визуальная коммуникация была важным способом построения текстов культуры, а эмблема – формой выражения единиц смысла.

Ключевые слова: Россия, эпоха Просвещения, моральные концепты, эмблема, добродетели, пороки

¹ Выражаю благодарность Библиотеке Герцога Августа (Herzog August Bibliothek, Wolfenbüttel), предоставившей мне стипендию для работы в Библиотеке.

Очевидно, что свод моральных правил и установок, особенно в области гражданских добродетелей и социальных проступков, несколько отличался в зависимости от сословия и даже от внутрисословных стратификаций. Характерен пример А.Т. Болотова, который пытается разъяснить неравную моральную нагрузку одного и того же проступка, адресованного представителям различных социальных групп. Он рассматривает ситуацию и «измеряет» степень проступка крестьянки, нанесшей оскорбление: другой крестьянке; няньке господских детей; своей госпоже. Болотов полагает, что степень морального поступка зависит от социального статуса участников конфликта. Вина крестьянки была бы неизмеримо выше, если бы она посягнула не на свою ровню, а на человека другого социального статуса, и тем выше, чем выше был бы этот статус. Болотов делает заключение: «...Всякое наказание бывает за вину, а вина тем больше, чем больше тот, пред кем ее сделаешь, а делаем мы их пред великим и бесконечным Богом, то следует из того, что им надобно чрезвычайно великим и столь бесконечным быть, каков сам Бог бесконечен»². Очевидно, что Болотов совмещает в примере с крестьянкой мораль и право. Представитель академической философии такие ситуации различает более четко, а для представителя церковной – христианская мораль всегда превалирует над правом.

Разные интеллектуальные сообщества могли давать свои трактовки моральной теории, как различные социумы – свои образцы морального поведения.

В России эпохи Просвещения мы имеем дело не менее чем с тремя интеллектуальными сообществами. Традиционную элиту представляли преподаватели церковных школ, прежде всего духовных академий в Киеве и Москве, образованное духовенство, «ученое монашество». «Новой элитой» стало академическое сообщество как система академических институтов, включающая как «видимый», так и «невидимый» колледж. Это сообщество было представлено университетской профессурой, преподавателями учебных заведений, академиками и академической администрацией. Оно было интернационально по своему составу и, в свою очередь, непосредственно включено в международный академический обмен идеями.

Третье сообщество составляла дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллектуал, «дворянин-философ». Это сообщество принадлежало одновременно и к политической элите, что позволяло ему иметь особенное влияние на дело просвещения. Это же обстоятельство смещало для этой группы моральную теорию в политико-правовую область.

Многие представители академического сообщества были иностранцами или получили образование на Западе. Они в значительной степени разделяли систему взглядов Христиана Вольфа. Поэтому этика рассматривалась в контексте метафизики (проблема бессмертия души, предустановленной гармонии и теодицеи). Отчасти затрагивались проблемы практической философии, например, моральные аспекты права. Для этого сообщества обращение к визуальному выражению морально-философских проблем не было характерно. Оно было ориентировано на «классический» трактатный дискурс. Эмблемы

² Болотов А.Т. Детская философия. СПб., 2012. С. 157–158.

активно использовались в контексте академической жизни, главным образом, чтобы подчеркнуть их государственный характер и верность правительственной идеологии.

Богословы или представители так называемого ученого монашества были сосредоточены в центрах церковного образования Киево-Могилянской академии и Славяно-греко-латинской академии. Ряд православных иерархов XVIII в. получали образование в Западной Европе, прежде всего в Папской греческой коллегии святого Афанасия и в ряде университетов Германии.

Моральные проблемы дискутировались в этом сообществе в контексте добродетелей и грехов, божественного происхождения человеческого рода. Они часто становились темой проповедей и «слов и речей³, поучительных, похвальных и поздравительных», «посланий», «наставлений», «поучений», «бесед», «последних целований», «увещеваний», «народовещаний» и даже «панегириков», посвященных церковным и светским праздникам, важным политическим событиям. Риторический жанр создавал особый дискурс обсуждения моральных проблем, так как содержал, главным образом, систему ориентиров и директивных указаний.

Размышления о морали находили и визуальное выражение. В литературе уже высказывалась идея о том, что «самые отвлеченные идеи, включая философские конструкции, замешаны на той или иной визуальности»⁴, вплоть до «окулярцентризма» («ocularcentrism»)⁵. Философия широко использовала изображения для объяснения и (само)репрезентации⁶; это позволяет говорить о том, что визуализация является одним из ее языков. В значительной степени этот язык свойственен именно российской культуре, с ее «оптической метафорикой»⁷ и даже специфической «русской оптикой»⁸. На визуалистскую ориентацию познавательных установок в российской культуре XVIII в. обратил внимание американский исследователь Маркус Левитт, проанализировавший систему эпистемологической метафорики⁹. Хотя, разумеется, стремление к визуализации абстрактных понятий или идеологических установок было явлением, характерным не только для России¹⁰. Более того, российская культура активно заимствовала и широко использовала язык эмблем.

Не касаясь православного искусства, которое не является темой данного исследования, отметим, что в церковной среде были популярны сборники эмблем, например, «Ифика иерополитика, или Философия нравоучительная,

³ См.: Хронологический каталог слов и речей XVIII века // Сост. Е.И. Кислова, Е.М. Матвеев; ред. П.Е. Бухаркин. СПб., 2011.

⁴ Маяцкий М. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии // Логос. 1995. № 6. С. 48.

⁵ Jay M. Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought. Berkeley, CA, 1993.

⁶ См.: Braun L. Iconographie et philosophie: essai de definition d'un champ de recherché. Strasbourg, 1994.

⁷ Маяцкий М. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии. С. 50.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М., 2015.

¹⁰ См., например: Berger S. The Art of Philosophy. Visual Thinking in Europe from the Late Renaissance to the Early Enlightenment. Princeton, 2017.

символами и приуподоблениями изъясненная, сочиненная монахами Киево-печерского монастыря с фигурами» (Киев, 1712). Второе издание было осуществлено в Санкт-Петербурге в 1718 г. В книге были представлены изображения добродетелей и пороков, например, «Совет злобы и добродетели»; «Любовь к Богу»; «Надежда или Упование»; «Почитание родителей»; «Любовь родителей к чаду»; «Подчинение властям»; «Властелины лукавые»; «Властелины благородны»; «Стыдение»; «Истина»; «Простота христианская»; «Кротость»; «Бодрость»; «Терпение»; «Кичение»; «Смирение»; «Любовь ко ближнему»; «Примирение ко всем»; «Знамение любви»; «Дружество истинное»; «Равенство в дружбе»; «Пианство»; «Воздержание»; «Целомудрие»; «Хищение»; «Скупство»; «Щедрота»; «Зависть»; «Осуждение»; «Суета»; «Совесть»; «Чин како навькати Добродетели» и т. д.¹¹ Визуальные описания моральных качеств представляли собой эмблемы, изображающие их ситуации. Например, «Любовь» была представлена в виде сцены, когда Авраам собирается принести в жертву своего сына, а Бог, изображаемый в виде всепроникающего света, останавливает его; «Надежда» (с девизом «В вере есть крепка») – в виде якоря, на котором помещен рыцарский доспех, летящие со всех сторон стрелы не могут сокрушить эту конструкцию¹².

Можно также назвать сборник «Эмблемат духовный» на церковнославянском языке¹³, ставший набором узнаваемых образов, использовавшихся как в духовной, так и в светской среде. Как и многие другие книги эмблем, «Эмблемат духовный» представляет собой русскую версию немецкого издания¹⁴. Впрочем, «оригинальность» не является ни достоинством, ни особенностью эмблемы, гораздо важнее ее повсеместная узнаваемость. Содержание эмблемы определено конвенционально, поэтому и возможно использование ее в качестве языка.

Важность визуализации для церковного дискурса была зафиксирована изданием в 1751 г. так называемой Елизаветинской Библии. Издание имело два фронтисписа. На первом изображены эмблемы христианской тематики и виды Санкт-Петербурга, на втором изображена Елизавета Петровна с ее небесными покровителями, кроме того, все четыре тома снабжены многочисленными иллюстрациями, изображающими различные события Ветхого и Нового Завета, выполненными художниками Каспаром и Яном Льюйкиными и гравером Кристофом Вейгелем¹⁵.

¹¹ Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособления изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев, 1712.

¹² Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приуподобления изъяснена к наставлению и пользе юным. СПб., 1718.

¹³ Эмблемат духовный ко обучению христианския веры со утешительными фигурами и полезными словами. [М., 1743]. О нем.: *Петровский Н.М.* Заметка о сборнике гравюр «Эмблемат духовный». Казань, 1899; *Hippisley A.* The Russian Emblem Book “Emblemат Dyuchovnyj” // *The European Emblem: Selected Papers from the Glasgow Conference, 11–14 August, 1987* / Ed. by B.F. Scholz. Leiden, 1990.

¹⁴ *Saubert J.* Dyodekas emblematum sacrorum quorum consideration accurate ad Fidei exercitium et excitandam Pietatem plurimum facere potest [...]. Nürnberg, 1625.

¹⁵ Библия, сиричь книги Священного Писания. СПб, 1751. URL: <https://archive.org/details/bostonpubliclibrary?and%5B%5D=Biblia%2C+siriech+knigi+sviashchennago+pisaniia+vetkhago+i+novago+zavieta&sin=> (дата обращения: 20.09.2018).

Дворянская элита, представителем которой являлся высокообразованный интеллеktуал, также сформировала свои представления о моральных качествах и их визуальном воплощении. Интеллектуальная дворянская элита во многом совпадала с политической элитой, что определило тематику этических сочинений, которая включала в себя анализ сословных дворянских добродетелей в контексте политической философии и историософии. Обсуждались проблемы моральных качеств идеального правителя, обязанности подданного, моральные уроки истории, моральные основания законов и пр. Многочисленные утопии описывали основанные на морали отношения между государем и подданными, а педагогический утопизм лег в основу концепций дворянского образования.

Дворянские мыслители ориентировались на иной круг авторов, нежели представители церковных и академических кругов. Аристократы редко облакали свои идеи в форму научных трактатов, как это было принято в среде академической и церковной элиты. Они чаще использовали для этой цели литературу. В особенности это было характерно для моральной теории. Использование метафор в качестве философских понятий соседствовало с использованием визуальных метафор.

Система рекомендуемых добродетелей и осуждаемых пороков содержалась в визуальных обращениях монархов к народу, которыми становились их коронации¹⁶. Ричард Вортман отмечает значимость визуализации для репрезентации монархической власти в императорской России, отмечая особую значимость описания коронаций как важных источников для трансляции системы ценностных установок и политических ориентаций нового монарха¹⁷. Так, в коронационных материалах Елизаветы Петровны, подробно описывающих церемонию и убранство¹⁸, можно найти обильный материал по использованию эмблем, в том числе изображающих добродетели и пороки. Описание коронации дополнено большим количеством гравюр И. Штенглина, И.А. Соколова, Г.А. Качалова, М. Нехорошеевского, Х.А. Вортмана¹⁹. Среди них как специфические «царские» добродетели и качества,

¹⁶ См.: *Токмаков И.* Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М., 1896.

¹⁷ *Wortman R.* Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston, 2014.

¹⁸ Обстоятельное описание Торжественных порядков Благополучнаго шествия в царствующий град Москву и Священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть шествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. Спб., 1744. Полностью оцифрованное издание можно посмотреть на сайте Нью-Йоркской публичной библиотеки. URL: <http://digitalcollections.nypl.org/items/510d47df-e562-a3d9-e040-e00a18064a99/book?parent=494aa760-c638-012f-80e9-58d385a7bc34#page/1/mode/2up> (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁹ *Маркова Н.* Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Третьяковская галерея. 2011. № 1 (30). С. 4–21; То же [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tg-m.ru/articles/1-2011-30/ob-istorii-sozdaniya-koronatsionnogo-alboma-imperatritsy-elizavety-petrovny> (дата просмотра: 20.09.2018).

такие как «Любовь к подданным»²⁰, так и более общие – «мужество», «разум», «мудрость»²¹.

В обилии образов, представленных в коронационном альбоме, можно выделить некоторые направления визуализации моральных качеств. Так, ряд визуальных изображений добродетелей и пороков ориентирован на иконографическую традицию визуализации, обычно это касается, прежде всего, христианских добродетелей, и традицию светского эмблематического изображения, которая применяется к гражданским добродетелям. Особенно богаты эмблематическим декором триумфальные ворота, как бы представляющие собой интерактивные стенды с демонстрацией миссии нового правления.

Триумфальные ворота «от Московской губернии» на Тверской улице обильно насыщены религиозными символами и эмблемами. Они изображали сюжеты «Бог Саваоф в облаках», «Юдифь, во град Вефулию входящая», «Девора-пророчица посреде народа израильского». В центральной части были помещены изображения, демонстрирующие богоизбранность новой государыни: «Россия с народом, молящаяся Христу о Ея Императорском Величестве к коронации производимой» с одной стороны и «Христос, показуя на регалии, на столе лежащие, повелевает совершить сие намерение» с другой. Ворота были украшены также изображениями христианских добродетелей: Мудрости, Целомудрия, Правды, Мужества. Они были дополнены изображением Правосудия и Милости²².

Отдельное пространство было посвящено изображению Правды, «Защиты», Крепости, «Действа совершенного», «Благоденственной жизни», Рассуждения²³. Врата были украшены женскими фигурами, изображающими Изобилие, Правосудие, Великодушие, Сохранение, Милосердие, Наставление, «Спасение рода человеческого», Верность, Здравие, Покой, «Златые веки», Славу²⁴. Характерно наличие специфических «царских» качеств в этом ряду, например Славы. В «Словаре Академии Российской» первое значение слова «Слава» связано с морально-этическими понятиями. Это «общепризнаваемая, придаваемая честь, похвала, уважение, славное имя, приобретаемое добродетелью, заслугами, высокими качествами и отменными деяниями...»²⁵.

Триумфальные врата от «Святейшего правительствующего Синода» также были обильно декорированы религиозными символами, изображающими свет Божественной мудрости, лики ветхозаветных пророков и великомучеников, в том числе св. Елизаветы. Там представлены и другие женщины-правительницы – св. Елена и св. Ольга²⁶. Кроме этого, мы видим изображение христианских добродетелей – Веры, Надежды и Любви.

В декоре триумфальных ворот, построенных «от московского купечества» на Мясницкой улице, мы видим эмблемы «Промысл Божий в образе

²⁰ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 151.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 132.

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Там же. С. 135.

²⁵ Словарь Академии Российской. Часть V. СПб., 1794. С. 513.

²⁶ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 136–137.

девы благоденные», «Благодать Божия»²⁷. Библейские персонажи соседствуют в декоре с богами и героями римской мифологии: святые Борис и Глеб, апостол Андрей, пророк Самуил, Давид, пророчица Мириам, сестра Аарона и здесь же Марс и Нептун. Набор скульптур, изображающих добродетели, также достаточно эклектичен, это Мужество, Верность, Изобилие, Бодрствие, Экономия, Постоянство, Меркурий, Милость, а также Слава, стоящая на пьедестале.

Фейерверк, устроенный в честь коронации, также представлял ряд визуальных образов, символизирующих добродетели, которым собирается следовать новая государыня, а «увеселительные огни» должны были служить публичным изображением общенародной радости»²⁸.

Императорские регалии окружают эмблематические изображения Правосудия и Храбрости. Все иллюминированное пространство обозначает «великую область, которая значит Российскую империю» с высокой каменистой горой, на которой растут кедры (символы силы, знатности и неподкупности)²⁹.

Сюжет, представленный в «Иллюминации при Потешном дворце», демонстрирует императрицу в короне, над которой видно небо с начертанным на нем именем Божиим с ангелами. По обеим сторонам трона изображены добродетели: Вера, Надежда, Любовь, Смирение, Кротость, Милосердие и Правосудие³⁰ с девизом «Дух Господен на мне, его же ради Господь помазал мя»³¹.

Если Коронация Елизаветы Петровны продемонстрировала систему моральных качеств, к которой следовало стремиться и высшим образцом которых являлся если и не сам монарх, то его ритуальный образ, то коронация Екатерины II, напротив, демонстрировала скорее систему недостатков и пороков, с которой новому монарху придется бороться³².

Екатерина вошла в систему мифологизированного социально-политического пантеона под именем Минервы. Этот своеобразный титул был заявлен во время ее коронации, сопровождавшейся символическим действием – театрализованным представлением «Торжествующая Минерва», состоявшимся зимой 1763 г. на улицах Москвы³³. Маскарад высмеивает присущие современному обществу пороки и демонстрирует систему добродетелей, к которым нужно стремиться. Елена Погосян отмечает, что трехчастная композиция маскарада, когда вначале высмеивались пороки, затем было показано, каким образом с ними можно бороться, а затем демонстрировалось пришествие золотого века и царство Минервы, «представляла путь из прошлого в будущее»³⁴.

²⁷ Обстоятельное описание Торжественных порядков. С. 144.

²⁸ Там же. С. 163.

²⁹ Там же. С. 163–167.

³⁰ Там же. С. 167.

³¹ Лк 4:18.

³² Штелин Я.Я. Описание аллегорического изображения. В заключении великолепных торжеств, по совершении коронации ея величества Екатерины Вторья, императрицы и самодержицы всероссийския и проч., и проч, и прочая, великим фейерверком представленнаго, в императорской резиденции Москве против Кремля, сентября 1762 года. М., 1762.

³³ См.: Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература. 2013. № 2. С.80–113.

³⁴ Погосян Е. Ломоносов и химера: отражение литературной полемики 1750-х годов в маскараде «Торжествующая Минерва» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту, 2008. С. 11–24.

Торжество Минервы – это торжество добродетели над пороками, благополучия над прозябанием, но прежде всего знания над невежеством. Неслучайно одним из центральных символов маскарада была также Астрея – богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды, управляющая миром во время золотого века.

Царство Минервы было противопоставлено «превратному свету», населенному «непросвещенными разумами», живописно представленными на маскараде. Чтобы описать мир абсурда, преодоленной богиней мудрости – Екатериной, устроители использовали эмблематические образы. Так, на маскараде были представлены: «Хор в развратном платье», «Крючконописцы и духи сетеплетущие опутывают сетью людей и их стравливают», «Хромая правда на костылях с переломленными весами, кою гонят плутнеписатели полными денег мешками»³⁵ и т. п.

Как известно, эмблема представляет собой трехчастную структуру и состоит из девиза (*motto*), изображения (*pictura*) и описания (*subscriptio*). Содержание эмблемы заключается не в изображении, а в описании. Без изображения эмблема может существовать, такой вид эмблем получил название «голая эмблема» (*emblemata nuda*). Однако за пределами специальных изданий мы редко встретим такую конструкцию. Чаще всего используется только изображение, а остальное мы должны «домыслить». В некоторых случаях это довольно просто, в силу устоявшихся культурных конвенций. Так, например, мы с легкостью опознаем эмблему медицины (змея с чашей) или эмблему родительской любви (пеликан, кормящий своей кровью птенцов) именно потому, что знаем их программу из других источников. Использование эмблем в культуре, как, например, в этом маскараде, предполагает, что мы знаем описание из какого-то другого источника – книги эмблем или специально написанной программы. Как справедливо отмечает А.А. Костин, «без последовательного аллегорического толкования маскарада интерпретации его содержания остаются, по большому счету, лишь спекуляциями»³⁶. Поэтому то, что ему удалось разыскать, а также ввести в научный оборот источник, дающий описание эмблематическим фигурам, позволяет разъяснить смыслы множества аллегорических фигур маскарада. Это «Поражение пороков и возвращение золотого века, или Победа Минервы и добродетели над человеческими страстями. Всенародный маскарад»³⁷, в котором содержится «Порядок путешествия народного маскарада»³⁸.

Таким образом, маскарад представлял собой послание с хорошо продуманным содержанием. Он демонстрировал просветительскую программу императрицы, тесно связывал ее успех с социальными преобразованиями.

Эта программа стала реализовываться ею в первые же годы правления. Были организованы или преобразованы закрытые дворянские школы – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт)

³⁵ Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом. М., 1763. Б.с.

³⁶ Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца. С. 82.

³⁷ Опубликовано: Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца. С. 95–113.

³⁸ Там же. С. 82.

и Сухопутный шляхетный корпус в Петербурге, Екатерининское училище в Москве, созданы особые «мещанские» училища при Академии художеств, Воскресенском Новодевичьем (Смольном) монастыре, Сухопутном шляхетном корпусе, Московском коммерческом училище. Особая роль отводилась Воспитательному дому, принимавшему брошенных родителями младенцев.

Эмблематическое изображение добродетелей и пороков вошло в визуальную культуру эпохи. Сборники эмблем давали подробное описание эмблематическим фигурам, которые затем с легкостью опознавались в идеологическом декоре.

Так, например, издание «Иконология, объясненная лицами» дает десятки описаний добродетелей и пороков. Эти описания помогают опознать в изобразительной культуре моральную тематику. Добродетель описана в сборнике следующим образом: «Каждая добродетель имеет собственное свое знаменование. Здесь изображается она вообще. Она имеет вид покорный и осанку скромную. Мраморный куб, на котором она сидит, означает ее твердость. Распростертые ее крылья значат ее преимущество пред прочими. Белая ее одежда означает ее непорочность. Она держит копие, скипетр и лавровый венец, означающий ее борьбу, власть и приличную награду»³⁹. Можно привести и другой пример: «БЛАГОДАРНОСТЬ. Представляют ее целомудрою с обращенным лицом к небу, составляющему предмет сея добродетели. Аист есть ее знаменование, потому что он при старости родителей своих имеет об них такое ж попечение, какое они прилагали о нем во время его младенчества. Слон дан ей также во знаменование для того, что он от природы весьма благодарен и в состоянии неустрашимо подвергать жизнь свою, сражаясь за своего господина»⁴⁰. Порок описывается следующим образом: «Пороки, равно как и добродетели, имеют различные свои заимствования, но вообще порок изображается гнусным карлюю, кривым и хромым, имеющим волосы рыжие и тесно объемлющим гидру»⁴¹. Пороки могут прятать свою гнусную сущность за приятным образом. Так, например, изображается обман: «Представляют его в образе прекрасной и веселой женщины, предлагающей с приятностью корзину, наполненную цветами, между которыми змея. Она прячет за собою множество крючков. Ноги ее оканчиваются змеиным хвостом для означения, что она уничтожается дабы вознестися и достигнуть желаемого конца»⁴².

Визуальные коды помогали провозглашать добродетели, особенно гражданские добродетели, обеспечивающие повиновение и благонравие подданных. Они использовались как моральной теорией, так и практикой воспитания. Эмблематическими иллюстрациями могли сопровождаться учебники, другие издания педагогического содержания, как, например, «Устав Императорско-шляхетного сухопутного кадетского корпуса»⁴³, созданный И.И. Бецким. Обильное использование иллюстраций превращало государственный документ

³⁹ Иконология. Объясненная лицами. Т. 2. М., 1803. С. 46.

⁴⁰ Там же. С. 59.

⁴¹ Там же. С. 61.

⁴² Там же. С. 51.

⁴³ Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса учрежденного в Санкт-Петербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб., 1766. В конце книги имеется приложение: «Краткое изъяснение иконологическим изображениям».

в книгу эмблем и формировало серию визуальных изображений добродетелей. Это обстоятельство не только расширяет базу источников для исследования эмблем в России, но и дает возможность в более полной мере анализировать тот интеллектуальный и визуальный фон, на котором формировались нравственные качества просвещенной российской элиты.

Визуальная коммуникация была важным способом построения текстов культуры, а эмблема – формой выражения единиц смысла, своеобразным иероглифом, квантом, концептом, вибрирующим между образом и понятием. Антропоморфность моральных эмблем делала их восприятие понятным и наглядным. Это актуализировало обсуждение нравственной проблематики и формировало язык, на котором можно было это делать.

Список литературы

Библия, сиричь книги Священного Писания. СПб., 1751. URL: <https://archive.org/details/bostonpubliclibrary?and%5B%5D=Biblia%2C+siriech+knigi+sviashchennago+pisaniia+vetkhago+i+novago+zavieta&sin> = (дата обращения: 20.09.2018).

Болотов А.Т. Детская философия. СПб.: Петрополис, 2012. 854 с.

Иконология. Объясненная лицами; или полное собрание аллегорий, эмблем, и пр. Сочинение полезное для Рисовальщиков, Живописцев, Граверов, Скульпторов, Стихотворцев, ученых людей, а особливо для воспитания юношества. В 2 т. Т. 2. М.: Губерн. тип. А. Решетникова, 1803. 80 с.

Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приспособлении изъяснена к наставлению и пользе юным. Киев: тип. Киево-Печерской лавры, 1712. 186 с.

Ифика иерополитика или Философия нравоучительная символами и приуподоблении изъяснена к наставлению и пользе юным. СПб.: Император. Академия наук, 1718. 90 с.

Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература. 2013. № 2. С. 80–113.

Левитт М. Визуальная доминанта в России XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 523 с.

Маркова Н. Об истории создания коронационного альбома императрицы Елизаветы Петровны // Третьяковская галерея. 2011. № 1 (30). С. 4–21.

Маяцкий М. Некоторые подходы к проблеме визуальности в русской философии // Логос. 1995. № 6. С. 47–76.

Обстоятельное описание Торжественных порядков Благополучного вшествия в царствующий град Москву и Священнейшаго коронования Ея Августейшаго Императорскаго Величества Всепресветлейшия Державнейшия Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Тип. Академии наук, 1744. 49 с.

Петровский Н.М. Заметка о сборнике гравюр «Эмблемат духовный». Казань: типо-лит. Имп. ун-та, 1899. 6 с.

Погосян Е. Ломоносов и химера: отражение литературной полемики 1750-х годов в маскараде «Торжествующая Минерва» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VI (Новая серия): К 85-летию Павла Семеновича Рейфмана. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008. С. 11–24.

Токмаков И. Историческое описание всех коронаций российских царей, императоров и императриц. М.: К.И. Тихомиров, 1896. 194 с.

Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большим маскарадом. М.: Имп. Моск. университет, 1763. Б.с.

Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса учрежденного в Санктпетербурге для воспитания и обучения благородного российского юношества. СПб.: Шляхетский сухопутный кадетский корпус, 1766. 82 с.

Хронологический каталог слов и речей XVIII века / Сост. Е.И. Кислова, Е.М. Матвеев; ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: б.и., 2011. 263 с.

Штелин Я.Я. Описание аллегорического изображения. В заключении великолепных торжеств, по совершении коронации ея величества Екатерины Вторья, императрицы и самодержицы всероссийския и проч., и проч, и прочая, великим фейерверком представленного, в императорской резиденции Москве против Кремля, сентября 1762 года. М.: Университетская тип., 1762. 6 с.

Эмблемат духовный ко обучению христианския веры со утешительными фигурами и полезными словами. [М.: б.т., 1743]. Б.с.

Berger S. The Art of Philosophy. Visual Thinking in Europe from the Late Renaissance to the Early Enlightenment. Princeton: Princeton UP, 2017. 315 p.

Braun L. Iconographie et philosophie: essai de definition d'un champ de recherché. Strasbourg: Presse Universitaires, 1994. 402 p.

Jay M. Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought. Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 632 p.

Hippisley A. The Russian Emblem Book "Emblemat Dyuchovnyj" // The European Emblem: Selected Papers from the Glasgow Conference, 11–14 August, 1987 / Ed. by B.F. Scholz. Leiden: Brill, 1990. P. 117–128.

Levitt M. The "Obviousness" of the Truth in Eighteenth-Century Russian Thought // Философский век. Альманах № 24. «История философии как философия». Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2003. P. 236–245.

Saubert J. Dyodekas emblematum sacrorum quorum consideration accurate ad Fidei exercitium et excitandam Pietatem plurimum facere potest [...]. Nürnberg: Peter Isselburg, 1625. 84 p.

Wortman R. Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. Boston: Academic Studies Press, 2014. 442 p.

Emblematic Forms of Moral Concepts in the Epoch of Enlightenment in Russia

Tatiana V. Artemyeva

Herzen State Pedagogical University of Russia. 48 Nab. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: tatart@mail.ru

The article is devoted to Russian moral philosophy in the Enlightenment. The author notes the complex structure of Russian society and, as a consequence, co-existence of several philosophical and ethical models. There were three intellectual networks in relation to three important elite institutions: academics, the Orthodox Church, and the nobility. Inside the academic milieu, ethics was studied in the metaphysical context as the problem of the immortality of the soul, the pre-established harmony, theodicy, etc. The problems of "practical philosophy", for example, moral aspects of law, were also studied at academic institutions. The Orthodox Church and noble societies often used metaphorical forms of abstract ideas and their visual forms for illustrations. Moral theory was represented by oppositions of virtues and vices as well as accentuations of civic virtues. Emblems were used as visual codes to represent philosophical and moral concepts with their conventional content.

The author analyzes ways of virtues and vices visualization using examples from emblem books, Orthodox editions, and civil ceremonies which demonstrated samples approved by the ruling elite. Elisabeth Petrovna's and Catherine II's coronations are carefully studied. Many sources are used for the first time in the context of history of philosophy and the moral thought. It is concluded that the visual communication was an important way to create "texts of culture" with emblems as their semantical units.

Keywords: Russia, the Age of Enlightenment, moral concepts, emblem, virtues, vices

References

Berger, S. *The Art of Philosophy. Visual Thinking in Europe from the Late Renaissance to the Early Enlightenment*. Princeton: Princeton UP, 2017. 315 pp.

Bibliya, sirich' knigi Svyashennogo Pisaniya [Bible or Holy Scripture Books]. St. Peterburg, 1751 [<https://archive.org/details/bostonpubliclibrary?and%5B%5D=Biblia%2C+siriech+knigi+sviashchennago+pisaniia+vetkhago+i+novago+zavieta&sin=>, accessed on 20.09.2018]. (In Russian)

Bolotov, A.T. *Detskaya filosofiya* [Children's Philosophy]. St. Peterburg: Petropolis Publ., 2012. 854 pp. (In Russian)

Braun, L. *Iconographie et philosophie: essai de definition d'un champ de recherche*. Strasbourg: Presse Universitaires, 1994. 402 pp.

Emblemat duhovnyi ko obucheniyu hristianskiya very so uteshitelnymi figurami i poleznymi slovami [Spiritual Emblems]. Moscow: s.n., 1743. s.p. (In Russian)

Hippisley, A. "The Russian Emblem Book «Emblemat Dyuchovnyj»", in: *The European Emblem: Selected Papers from the Glasgow Conference, 11–14 August, 1987*, ed. by B.F. Scholz. Leiden: Brill, 1990, pp. 117–128.

Hronologicheskii katalog slov i rechei XVIII veka [Chronological Catalog Speeches of the 18 Century]. Eds: E.I. Kislova, E.M. Matveev; ed. P.E. Buharkin. St. Peterburg, s.n., 2011. 263 pp. (In Russian)

Ifika ieropolitika ili Filosofiya nravouchitel'naya simbolami i prispodoblenii iz'yasnena k nastavlenuyu i pol'ze yunym [Ethics or Philosophy of Moral Explained by Symbols for Benefit of the Young People]. Kiev: Kievo-Pecherskaya lavra Publ., 1712. 186 pp. (In Russian)

Ifika ieropolitika ili Filosofiya nravouchitel'naya simbolami i priupodoblenii iz'yasnena k nastavlenuyu i pol'ze yunym [Ethics or Philosophy of Moral Explained by Symbols for Benefit of the Young People] St. Peterburg: Imperator. Akademia nauk Publ., 1718 [<http://www.litfund.ru/auction/106/4/>, accessed on 20.09.2018]. (In Russian)

Ikonologiya. Ob'yasnennaya litsami; ili polnoe sobranie allegorii, emblem, i pr. Sochinenie poleznoe dlya Risoval'shchikov, Zhivopistsev, Graverov, Skul'ptorov, Stikhotvortsev, uchenykh lyudei, a osoblivo dlya vospitaniya yunoshstva [Iconology Explained by Images <...>, in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: A. Reshetnikov Publ., 1803. 80 pp. (In Russian)

Jay, M. *Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 632 pp.

Kostin, A.A. "Moskovskii maskarad «Torzhestvuyushaya Minerva» (1763) glazami inostranca" [Moscow Masquerade "Minerva Triumphant" (1763) through the Eyes of a Foreigner], *Russkaya literatura*, 2013, No. 2, pp. 80–113. (In Russian)

Levitt, M. "The «Obviousness» of the Truth in Eighteenth-Century Russian Thought", in: *Filosofskii vek, al'manah 24: "Istoriya filosofii kak filosofiya"* [Philosophical Age, Almanac 24: "History of Philosophy as Philosophy"], Part 1. St. Peterburg: St. Peterburg Tsentr istorii idei Publ., 2003, pp. 236–245.

Levitt, M. *Vizual'naya dominanta v Rossii XVIII veka* [Visual Dominant in Russia of the 18 Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 523 pp. (In Russian)

Markova, N. "Ob istorii sozdaniya koronacionnogo al'boma imperatricy Elizavety Petrovny" [On the history of the Coronation Album of Empress Elizaveta Petrovna], *Tret'yakovskaya galereya*, 2011, No. 1 (30), pp. 4–21. (In Russian)

Mayackii, M. "Nekotorye podhody k probleme vizual'nosti v russkoi filosofii" [Some Approaches to the Problem of Visuality in Russian Philosophy], *Logos*, 1995, Vol. 6, pp. 47–76. (In Russian)

Obstoyatel'noe opisanie Torzhestvennykh poryadkov Blagopoluchnago vshestiya v carstvu-yushii grad Moskvu i Svyashenneishago koronovaniya Eya Avgusteishago Imperatorskago Velichestva Vsepresvetleishiya Derzhavneishiya Velikiya Gosudaryni Imperatricy Elisavet Petrovny Samoderzhicy Vserossiiskoi, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda [A Detailed Description of the Ceremonial Entry to Moscow and the Coronation of Her Imperial Majesty Empress Elizabeth Petrovna on February 28 and the coronation on April 25, 1742]. St. Petersburg: Akademii nauk Publ., 1744. 49 pp. (In Russian)

Petrovskii, N. M. *Zametka o sbornike gravyur "Emblemat duhovnyi"* [A Note on the Collection of Engravings "Spiritual emblems"]. Kazan': tipo-lit. Imp. un-ta, 1899. 6 pp. (In Russian)

Pogosyan, E. "Lomonosov i himera: otrazhenie literaturnoi polemiki 1750-h godov v maskarade «Torzhestvuyushaya Minerva»" [Lomonosov and Chimera: a Reflection of the Literary Polemics of the 1750s in the Masquerade "Minerva Triumphant"], in: *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii. Literaturovedenie. VI (Novaya seriya): K 85-letiyu Pavla Semenovicha Reifmana* [Works on Russian and Slavic Philology. Literary Criticism. VI. (New Series): On the 85th Anniversary of Pavel Semenovich Reifman]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2008, pp. 11–24. (In Russian)

Saubert, J. *Dyodekas emblematum sacrorum quorum consideration accurate ad Fidei exercitium et excitandam Pietatem plurimum facere potest [...]*. Nürnberg: Peter Isselburg, 1625. 84 pp.

Shtelin, Ya. Ya. *Opisanie allegoricheskogo izobrazheniya. V zaklyuchenii velikolepnykh torzhestv, po sovershenii koronacii eya velichestva Ekateriny Vtoryyya, imperatricy i samoderzhicy vserossiiskiya i proch., i proch, i prochaya, velikim feierverkom predstavlenno, v imperatorskoi rezidencii Moskve protiv Kremlya, sentyabrya 1762 goda* [Description of the Allegorical Image <...>]. Moscow: Universitetskaya Publ., 1762. 6 pp. (In Russian)

Tokmakov, I. *Istoricheskoe opisanie vseh koronacii rossiiskikh carei, imperatorov i imperatric* [Historical Description of the Coronations of the Russian Tsars, Emperors and Empresses]. Moscow: K.I. Tihomirov Publ., 1896. 194 pp. (In Russian)

Torzhestvuyushaya Minerva, obshenarodnoe zrelishe, predstavlennoe bol'shim maskaradom ["Minerva Triumphant", a Nationwide Spectacle Represented by a Great Masquerade]. Moscow: Imperator. Moskovskij Universitet Publ., 1763. s.p. (In Russian)

Ustav Imperatorskago shlyahetnago suhoputnago kadetskago korpusa uchrezhdennago v Sankt-peterburge dlya vospitaniya i obucheniya blagorodnago rossiiskago yunoshestva [The Regulations of the Imperial Cadet Corps Established in St. Petersburg for the Upbringing and Education of the Noble Russian Youth]. St. Petersburg: Shlyakhetskii sukhoputnyi kadetskii korpus Publ., 1766. 82 pp. (In Russian)

Wortman, R. *Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy*. Boston: Academic Studies Press, 2014. 442 pp.